

18+

Галина Силантьева

ЭРОТИЧЕСКИЕ
РАССКАЗЫ. ЭЙФОРΙΑ
ПРИТЯЖЕНИЯ

Галина Силантьева

**Эротические рассказы.
Эйфория притяжения**

«Издательские решения»

Силантьева Г.

Эротические рассказы. Эйфория притяжения / Г. Силантьева —
«Издательские решения»,

Есть воспоминания, которые не тускнеют со временем. Они живут в нас — яркие, осязаемые, готовые ожить от одной случайной мелодии или знакомого аромата. Герои этих рассказов живут обычной жизнью, но у каждого из них есть своя точка отсчёта — момент всепоглощающей влюблённости, эхо которого звучит сквозь годы.

Эротические рассказы. Эйфория притяжения

Галина Силантьева

© Галина Силантьева, 2026

ISBN 978-5-0071-3441-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Третий лишний

Полночный лес никогда не спит. Даже когда костёр догорает до красных углей, а твои друзья мирно посапывают в палатках, укутавшись в спальники, природа продолжает жить своей тайной жизнью. Шуршат ветки под лапами ежей, ухает где-то вдали сова, и густой лунный свет плетёт серебряную сеть между чёрных стволов.

Я всегда была «сестрой» для Макса — парня моей лучшей подруги Иры. Мы дружили втроём с первого курса. Я знала расписание его тренировок, названия всех футбольных клубов, за которые он болел, и все его любимые цитаты Бродского. Он был красивым, надёжным Максом. Моим братом, которого у меня никогда не было.

Всё изменилось, когда в пятницу мы приехали в сосновый бор. На выходные. Четыре парня, пять девушек, две машины и гора снаряжения. Ира весь день ворчала из-за комаров, Макс ставил её палатку (самую большую, розовую, похожую на замок принцессы), ребята рубили дрова. А я просто дышала. Здесь воздух пах хвоей и свободой, и городская пыль наконец-то выходила из лёгких вместе с усталостью.

Вечером, когда стемнело, все сидели вокруг огня. Пили лимонад из пластиковых стаканчиков, обжигали пальцы о печёную в углях картошку. Было шумно и весело. Но около часа ночи компания начала редеть. Парни и девчонки разбрелись по своим коконам.

Я осталась одна у почти погасшего костра. Завернулась в плед и смотрела на звёзды сквозь верхушки сосен. В голове было удивительно пусто. Никаких мыслей о будущем.

— Не спится?

Голос раздался совсем рядом. Я вздрогнула, обернулась. Из темноты шагнул Макс. Без футболки, только спортивные штаны низко на бёдрах. Капли воды блестели на его груди и плечах — видимо, ходил умываться к ручью. Мышцы перекачивались при каждом движении.

— Воздухом дышу, — ответила я, плотнее кутаясь в плед, хотя холодно мне не было.

Он сел напротив на бревно. Протянул руки к углям.

— Ира уже десятый сон видит, — сказал он, кивнув в сторону розовой палатки. — Свернулась клубочком, как котёнок. Ты чего тут мёрзнешь?

Он встал, обошёл остатки костра и сел рядом со мной. Так близко, что наши плечи соприкоснулись. Жар его тела окатил меня горячей волной.

— Подвинься, — буркнул он, бесцеремонно забирая край моего пледа и натягивая его на себя. Теперь мы были накрыты одним шерстяным куполом. В этом маленьком пространстве запахло нами двоими. Нашим общим теплом.

Мы молчали минуту. Может, две. Время перестало существовать. Я чувствовала бедром его напряжённое бедро. Чувствовала, как поднимается и опускается его грудная клетка. Близость стала невыносимой физически. Прежний Макс испарился. Рядом был незнакомец, оккупировавший мою территорию.

— У тебя пепел на щеке, — вдруг сказал он хрипло.

Прежде чем я успела моргнуть, его пальцы — те самые сильные пальцы вратаря университетской футбольной команды — коснулись моего лица. Он осторожно, едва касаясь, провёл большим пальцем по моей щеке, снимая чёрную точку пепла. Его кожа была шершавой. Точка контакта обожгла меня сильнее, чем если бы он приложил сигарету.

Его рука замерла. Большой палец теперь лежал на моих губах, чуть поглаживая нижнюю. Я видела, как тяжело ходит его кадык. Как темнеют глаза, превращаясь из серых в грозовые.

— Алиса, — выдохнул он. Голос сорвался. — Что ты со мной делаешь?

В следующую секунду рухнула стена многолетней дружбы, братской любви, обещаний верности Ире — всё прежнее рассыпалось в прах от одного его движения навстречу. Потому что моё тело ответило раньше разума. Колени ослабли, внизу живота туго скрутилась горячая спираль желания такой силы, что стало больно дышать, а кровь прилила к голове, зашумела в ушах.

Я повернула голову и поймала его палец губами. Просто взяла в рот самый кончик, слегка прикусив зубами. Глухой рык вырвался из его горла. Он рванул меня на себя так резко, что плед свалился на землю. Я оказалась сидящей у него на коленях, лицом к лицу, инстинктивно обхватив ногами его торс, чтобы не упасть.

Здесь, под открытым небом, освещённые лишь умирающими углями костра, посреди чужой земли, мы начали своё падение. Его рот обрушился на мой. Это был поцелуй-поглощение. Зубы сталкивались от спешки, языки сплетались в отчаянном танце, пытаюсь наверстать упущенные годы, сотни взглядов и случайных касаний.

Одной рукой он зарылся в мои волосы на затылке, запрокидывая мою голову назад, открывая доступ к шее. Другой сжимал меня поверх тонкой ткани шорт, плотно прижимая к себе. Я отвечала ему с той же животной жадностью. Мои ладони скользнули по его горячей, влажной коже спины, ощущая каждую мышцу. Ногти впились в плечи, оставляя красные полосы. Я хотела оставить на нём свои метки, выжечь клеймо, чтобы всем остальным было видно: этот мужчина мой и больше ничей.

Он опрокинулся навзничь вместе со мной прямо на хвойную подстилку леса, сухую и пружинящую. Иголочки неприятно царапали голые колени, но эта боль только обостряла чувства. Я оседлала его, глядя сверху вниз на мужчину, который перевернул мою жизнь за тридцать секунд. Лунный свет чертил резкие тени на его красивом лице. Издав звук, полный муки и восторга, он перевернул меня в одно мгновение, подмяв под себя. Теперь он был сверху, загромождавая собой луну. Огромный, сильный, полностью контролирующий ситуацию. Его глаза казались абсолютно чёрными.

— Ты уверена? — спросил он тихо, проводя носом по моей шее, вдыхая запах кожи. — Назад дороги не будет. Никогда.

Вместо ответа я с силой обвила ногами его талию, притягивая ближе.

Эйфория накрыла нас волной ослепительного света, растворяя в судороге сладкого, первобытного блаженства. Я выдохнула его имя прямо в равнодушное ночное небо.

Минут пять мы лежали неподвижно. Прямо на земле. Сердца пытались пробить ребра изнутри. Он перевернулся набок, притянув меня к себе, положил свою голову на моё плечо. Мы оба были липкими, исцарапанными иголками, растрёпанными. Макс гладил меня по мокрым от пота волосам.

— Прости, — прошептал он в тишину.

— Не смей, — ответила я, поднимая голову и глядя ему в глаза. — Не смей извиняться. Я хотела этого с того дня, как впервые увидела тебя в общежитии.

Он усмехнулся уголком рта, горько и счастливо одновременно. Поцеловал меня в лоб. Мы оделись молча. Костёр окончательно умер, оставив после себя только седую золу. Холод начал пробираться под кожу.

Когда мы подошли к палаткам, Макс взял меня за руку. Крепко сжал.

— Если что, мы просто ходили к ручью подышать воздухом, — сказал он и направился в розовую палатку.

— Да, конечно... — неуверенно согласилась я перед тем, как зайти в свою.

Когда я застегнула молнию палатки изнутри, в кармане рюкзака завибрировал телефон. Я знала, кто прислал сообщение. Имя Макс на экране горело таким же фальшивым огнём, как и та нежность, что была у него в глазах пять минут назад, когда он отстранялся от меня.

«Это ничего не меняет, Алис. Нам же было хорошо?»

Я закрыла глаза. На губах играла улыбка — ответ на его сообщение, который я никогда не отправлю. Под веками стояли слёзы, которых Макс никогда не увидит.

На полном ходу

Я открыл глаза от того, что луч солнца ударил прямо в лицо. Поезд стоял на какой-то глухой станции за Уралом. Тишина после нескольких часов непрерывного грохота колёс казалась оглушительной.

Прошедшая ночь была пыткой. Мне досталось место на нижней боковушке у туалета. Сверху мужчина в облаке перегара храпел так, что, казалось, дребезжали стёкла. Сбоку молодая мать всю ночь меняла подгузники плачущему ребёнку. А напротив дед читал новости вслух самому себе, водя дрожащим пальцем по экрану телефона.

В общем, к утру я чувствовал себя выжатым лимоном. Голова гудела, во рту образовалась пустыня. Спать больше не хотелось. Хотелось кофе. Крепкого, обжигающего, способного воскресить мертвого.

Поезд тронулся. Я встал со своей полки, схватил рюкзак и пошёл искать спасение. Вагон-ресторан встретил меня благословенной прохладой и ароматом яичницы. За окном проносились бесконечные берёзы, размазанные скоростью в зелёную акварель.

Я сел за столик у окна, расстегнул верхнюю пуговицу рубашки и закрыл глаза, подставляя лицо сквозняку.

— Что будем заказывать? — голос прозвучал над самым ухом.

Я вздрогнул и открыл глаза. Официантка стояла рядом. Совсем близко. На ней была простая форменная жилетка, но сидела она на ней так, словно это был наряд от кутюр. Девушка лет двадцати пяти, может, чуть больше. У неё были рыжие волосы, собранные в небрежный пучок на затылке, из которого выбилось несколько медных прядей, щёки покрыты россыпью веснушек, а губы... Губы были полными, яркими, без всякой помады. Но главное — глаза. Огромные, чайного цвета, с длинными ресницами. И смотрела она не дежурным взглядом официантки, которой всё равно, выживешь ты или нет, а как-то по-человечески, с лёгкой усмешкой.

— Вы не выспались? — она раскрыла блокнот, готовая записывать.

— Ещё бы, — просипел я. — Плацкартная ночь под аккомпанемент хора храпящих и детского визга. Двойной эспрессо. Самый большой, какой есть. И пожарьте мне глазунью. Из трёх яиц. С беконом. Много бекона.

Она кивнула, записывая заказ, и её нос едва уловимо сморщился, когда она улыбнулась.

— Бекона для вас не пожалею. Кофе сделаю двойной порцией.

Она ушла за стойку. Я смотрел ей вслед. Под белой блузкой угадывались очертания простого лифчика, движения были плавными, кошачьими. Она двигалась по тесному вагону так грациозно, будто танцевала. Ни одного лишнего жеста.

Мне вдруг стало мучительно стыдно за свою щетину и мятую рубашку. Рядом с такой девушкой нормальный мужчина должен пахнуть приятным одеколоном, а от меня разило потом.

Хотя... у меня ведь никогда не было проблем с противоположным полом. Я понял это давно. Ещё в детском саду. В школе девочки передавали мне любовные записки через подру-

жек и стригли пряди моих волос «на счастье». Эта мысль шевельнулась внутри, придавая уверенности. Я расправил плечи.

Официантка принесла кофе. Чашка опустилась на стол с тихим стуком. Пар поднимался густым облаком. Я сделал глоток — горький, идеальный.

— Спасибо, — сказал я. — Ты спасла мне жизнь. Меня зовут Дима.

— Яна, — она оперлась руками о край стола, наклоняясь чуть ближе. От неё пахло сладкой жвачкой — тем самым конфетным ароматом, который всегда мне казался самым соблазнительным на свете.

Мы разговорились. Просто так, ни о чём. Оказалось, она едет до самого Владивостока — подменяет сменщицу. Жаловалась на то, что туристы вечно воруют вилки, а начальник поезда придирается к длине юбки. Я рассказывал про свои командировки, про опостылевший офис. Мы шутили. Впервые за долгое время мне было легко. Исчезла тяжесть бессонницы, исчезла усталость. Осталось только тепло внизу живота от её голоса и сумасводящего аромата жвачки.

Она присела напротив меня, пока я давился своей яичницей (потому что жевать и одновременно смотреть на неё было выше моих сил).

— До конечной ещё шесть часов, — задумчиво протянула она, глядя в окно. — Скучно. Пейзаж однообразный.

— Могу рассказать анекдот, — предложил я с набитым ртом.

— Не надо, — тихо рассмеялась она. — У тебя вид человека, которому нужно поспать. Или...

Её взгляд изменился. Смех ушёл из глаз, осталась только глубина. Она медленно провела указательным пальцем по краю моей кофейной чашки.

— ...или взбодриться другим способом. Говорят, лучший энергетик — это адреналин.

Моё сердце подпрыгнуло. Воздух в вагоне-ресторане вдруг стал тяжёлым, как перед грозой. Шум колёс превратился в пульсирующий ритм. Я посмотрел на её губы. Они были влажными. Она облизнула их кончиком языка.

— У меня заканчивается смена, — шепнула она. — Через двадцать минут. И купе начальника поезда сегодня свободно. Он сошёл в Омске.

Она встала, поправила жилетку и посмотрела на меня сверху вниз.

— Допивай свой кофе, Дима. И иди за мной. Если хочешь проснуться окончательно.

Двадцать минут тянулись вечность. Я сидел, сжимая горячую чашку холодными пальцами. Проводница соседнего вагона прошла мимо, бросив на меня подозрительный взгляд. Наконец часы над барной стойкой показали нужное время. Яна вышла из-за стойки, сняла жилетку, оставшись в одной тонкой белоснежной блузке. Положила ключи в карман юбки.

— Ну что, пойдём лечиться от недосыпа?

Мы пошли в сторону головы состава. Миновали тамбур, где грохотало так, что заложило уши. Она открыла дверь служебного купе простым поворотом ключа. Это была маленькая каморка, метра полтора на два. Узкая полка, застеленная грубым шерстяным одеялом, металлический шкаф, раковина в углу. Тесно. Невообразимо тесно для двоих.

Как только защёлкнулся замок двери, отрезая нас от ревущего мира поезда, Яна развернулась. Прижалась ко мне всем телом, заставив упереться спиной в холодный металл дверцы шкафа. Её руки обвились мою шею, пальцы зарылись в волосы на затылке. Теснота служебного купе, которая секунду назад казалась удушающей, вдруг стала идеальной декорацией — здесь некуда было отступать, негде спрятаться от желания.

Яна накрыла мой рот своими губами — влажными, горячими, требовательными, пробуя меня на вкус так, словно проверяла, достаточно ли я проснулся для того, что она задумала. Я ответил ей тем же, впиваясь до головокружения, чувствуя привкус кофе и той самой сладкой жвачки, запах которой сводил меня с ума последние полчаса. Её язык скользнул по моим зубам, дразнящий, уверенный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.